

7 .11.1950. Родился в Ленинграде. Окончил ф-т журналистики ЛГУ (1977). Сменил множество профессий – от экскурсовода в Исакиевском соборе до плотника, каменщика, грузчика.

Впервые опубликовал стихи в ж-ле "Нева" (1976). Печатался в "Континенте", в сб-ках "Молодой Ленинград", "Невские просторы", "День поэзии" (Ленинград), ж-лах "ДН" (1989, № 8), "Знамя" (1992, № 12).

Книги: «Первая книга стихотворений». Издательство Вест Консалтинг (2006 г.), премия имени А.А. Ахматовой за 2007 год.

Вторая книга стихов «Надстрочник». Издательство «Геликон Плюс» (2008 г.)

Третья книга стихов «Сердцевина». Издательство «Любавич» (2012 г.)

Источник: Словарь "Новая Россия: мир литературы" («Знамя»)

И. БРОДСКОМУ

Здесь который год поминают Цоя,
в шоколад подмешивают сою,
малому предпочитая большое,
не любят евреев, хотя в лицо я
не знаю ни одного юдофоба.
Но если веками копится злоба,
нужен объект, разрядиться чтобы.
Впрочем, это вопрос особый,
и не будем пока об этом.

Здесь зимой морозно, дождливо летом,
здесь, охотясь, стреляют всегда дулетом,
и довольно просто прослыть поэтом.
Здесь, ошпарясь, принято дуть на воду,
в недородах любят винить погоду,
здесь всего четыре времени года,
и страшнее рабства только свобода.

Уходя в траву, здесь ржавеют рельсы,
самогона в деревне — хоть залейся,
ты отсюда выбраться не надейся —
неприменно шваркнут об тейбл фейсом.

Здесь, куда ни плюнешь — барак да зона,
здесь язык богат корнями, но крона
поражает скудостью лексикона,
и кирзу нельзя отличить от Керзона.

Здесь пространства меряют на парсеки,
здесь нельзя купить аспирин в аптеке,
здесь забыли путь из варягов в греки,
и леса вырубают вдоль рек, а реки,
высыхая, мелеют от лесосплава.

Здесь любая слава — дурная слава,
здесь нельзя налево, нельзя направо,
но и в центре тоже грозит расправа.

Здесь любви платонической или плотской
не бывает. Её заменили скотской.
"Всё не так, ребята!" — хрипит Высоцкий.
Здесь каким-то чудом родился Бродский.

Вот и закончилось всё без меня
и до обидного просто.
Только на время не стоит пенять,
выбрав судьбу не по росту.
Выплеснуть всё, что копилось внутри, —
нынче уже не геройство.
Если боишься — не говори.
Если сказал — не бойся.
Сколько же можно напрасно служить
этой дурацкой системе?
Я не желаю ни правды, ни лжи,
ибо над нами над всеми
самое время взлететь топору —
слишком уж верили слову,
ибо не кончится всё по добру,
в этой стране, по здорову.
Мы этой жизни не знали цены, —
вот нам она и зачтётся.
Только для новой гражданской войны
граждан уже не найдётся.
Господи, дай нам от крови уйти,
ведь из огня да в полымя
слишком накатаны наши пути,
хоть и неисповедимы.
Все мы дошли до последней черты, —
всё, что могли, развалили.
Сколько же рабства и клеветы
в нашей крови растворили,
если душа начинает вскипать,
как от кессонной болезни,
если уже бесполезно молчать,
да и кричать — бесполезно.

* * *

Последнее время я думаю, что оно
и вправду станет последним. Взглянув в окно
на толпы машин возле платной автостоянки,
я почему-то прикидываю: а как
гусеница подомнёт вон тот "Кадиллак",
если завтра здесь на постой припаркуют танки.
Эсхатология. Пусть не наука, но
я изучаю её, глядя в окно.

Если ж включить под вечер, забавы для,
видеоговорящий ящик, коснувшись пульта,
чтоб наблюдать, не включая звука, лицо враля,
или утром (на том же канале) служителя культа,
вглядываясь в артикуляцию и
не сияясь запомнить эти хитрые рожи,
я повторяю тихо: "Господи, посмотри,
Как они все похожи".

***

Вера без любви...
Любовь без веры...
Слишком равноценные химеры
скудной изощренности ума.
И не позавидуешь мессии,
если он появится в России.
Дайте всё и сразу —
задарма.

Ну а мы проверим —
всё ли дали,
мы достанем старые медали
"За Берлин", "За Прагу",
"За Чечню",
вспомним, что ни разу не бряцали
танками по вашим авеню,
времена Очакова и Крыма...

Господи,
о, как невыносимо
верить и любить свою страну.

***

Сколько помню себя — только ветер да мрак ледяной,
только холод крошечный. Да где ж это было со мной?
В Воркуте? Или нет — в нефтяной факелящей Ухте,
где сам воздух горел, прожигая дыру в пустоте,
всё сжигая дотла, кроме мёрзлых казарменных стен,
не давая тепла, ничего не давая взамен.

Сколько помню себя — то похмелье, то взлёт, то запой.
Очарованный бомж, пожиратель помады губной,
раздвигатель коленок, искатель нехитрых чудес,
проходящий по жизни с гитарою наперевес.
Столько раз разведенец, что стыдно менять паспорта,
но читающий музыку даже с пустого листа,
повторяющий всуе бессмертные строки навзрыд
в полутёмном подъезде, где не был однажды убит.

Сколько помню себя — только цепь бесконечных утрат:
Саша, Боря, Олег... Кто продолжит трагический ряд?
Обольщаться не стоит. Продолжить сумеет любой.
Ты ведь знаешь, что список кончается только тобой.
Ничего. Отшутись. Перечти "Мушкетёров" Дюма.
Это жизнь. Просто жизнь. И она от тебя без ума.

Посмотри, как любуются солнце, и ветер, и снег.
Вот идёт вдоль канала счастливый смешной человек,
улыбается встречным, рифмует дома на ходу
так легко и беспечно. В каком это было году?
И в какой это жизни? Не знаю. И знать не хочу.
Я любовью к Отчизне за это ещё заплачу.

* * *

Ночью в подъезде, где лампочки то ли разбили,
то ли свинтили, — стоишь, к темноте привыкая.
Дом словно вымер, как будто его разбомбили
и расселили уже. Тишина-то какая.
Словно полопались все заводные пружины.
Вытянув руку, бредёшь и бубнишь поневоле:
"Нужно б свечей прикупить, фитилей, керосину,
масла лампадного, спичек, поваренной соли..."
:

* * *

Пригубишь рюмку на ночь глядя,
и вновь потянет дурака
хотя б немного упорядочить
извечный хаос языка.

В литературной периодике
отыщешь явную муру
и понимаешь — глупость вроде как,
но пальцы тянутся к перу,
перо к бумаге...

Есть мгновения,
когда, избегнув суеты,
вдруг ощущаешь приближение
неоспоримой правоты.

Да разве есть другие истины?
И с кем ты спорил миг назад?
Вот пара строк. Они написаны.
И не тебе принадлежат.

* * *

Стихи, если в них не лукавить
во имя нелепых идей, —
попытка хоть что-то поправит
в несправедной жизни своей.

Стихи это, в принципе, — чудо.
Такое немногим дано.

А кто их диктует? Откуда?
Тебе-то не всё ли равно?
Ведь если ты даже посредник,
вбирающий малую часть,
то где-то ведь есть собеседник,
тебе не дающий пропасть.

* * *

Не впадая в истовую ересь,
но, греша уныньем иногда,
я живу, не слишком-то надеясь
на вердикт высокого суда,
облачён единственной властью —
иногда затрагивать сердца.
Только к сожаленью или к счастью —
сам еще не понял до конца.

Вот и всё. Спасибо за подарок —
полную свободу без границ,
письма, без конвертов и без марок,
книги, без обложек и страниц.
Человек забыл, откуда родом,
и стоит у жизни на краю...

Господи, как плавно переходим
мы от бытия к небытию.
А ведь прежде было всё иначе, —
не скажу, что лучше, но честней.

Не жалею, не зову, не плачу
о прошедшей юности моей.
Ничего не требую обратно,
смутную надежду затая,
что земная точка невозврата,
если есть, — у каждого своя...

* * *

Жизнь даже не прошла, а пролетела,
крылом задела...
Но не в этом суть.
Писалось много, а теперь чуть-чуть.
И я подозреваю, в чём тут дело —
мне прошлое мусолить надоело,
мне в будущее страшно заглянуть.

MAME

Я путаю, где тот, где этот свет...
Мать целый день бормочет, пребывая
там, где меня всего скорее нет.
Вот и опять — глядит не узнавая
и даже улыбается в ответ.
Но мне ли? Не уверен. У неё —
свой мир. Он моего ничуть не хуже.
Да. Иногда бывает, что наружу

вдруг выглянет, нарушив забытьё.
Но ненадолго. Ей куда милей
общение с десятками теней.
Не зря ж она беседует всё время
с отцом, в блокаду умершим, и с теми,
кого я и не видел никогда.
А этот мир ей скучен, и сюда
она теперь является всё реже.
Она другая.
Это мы — всё те же.

жене Татьяне

***

Девочка на самокате,
мальчик на велосипеде —
не спеша куда-то катят,
не спеша куда-то едут,
вдоль по берегу, по краю
серебристого залива,
нас почти не замечая,
медленно, неторопливо.
Впереди конец июля,
позади «макушка лета».
Прокатили, промелькнули...

Почему я вспомнил это?
И залив, и тёплый вечер,
и прогулку между сосен,
этот мир такой беспечный,
где ещё не скоро осень.
Там я счастлив, не иначе,
и для грусти нет причины...

...поздно вечером на даче
задремлю — всплывёт картина,
где опять куда-то едут,
растворяются в закате
мальчик на велосипеде,
девочка на самокате...

***

Этот мальчик с детства отразился
в зеркалах блокадного трюмо.
Ничего он в жизни не добился,
потому что всё пришло само.

Жизнь вела тропинкой через поле,
чуть не зацепив лесоповал.
Всё пришло само — покой и воля,
даже то, о чём и не мечтал.

Полная иллюзия свободы.
Рядом, только руку протяни —
тёмные спрессованные годы,
светлые растянутые дни.

***

Если ты не стал венцом природы,
значит ты воистину, пока —
смесь белков, жиров и углеводов
на витой цепочке ДНК.
Не злословь. В распахнутые двери
не ломись, как делал до сих пор.
«Да воздастся каждому по вере» —
самый справедливый приговор.

***

Подошёл старик к речушке Припять,
Зачерпнул воды. Боится выпить.
Понимает, мучаясь от жажды,
что такой воды не выпьешь дважды.
А другой поблизости не сыщешь —

позади лишь гарь да пепелища.
Ни ручья не видно, ни колодца...
Страшно пить, но, видимо, придётся.

